

УСТАВНЫЕ ЧТЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ПЯТНИЦЫ

1. На утрене Святых Страстей, по 7-м Евангелии

Прп. Ефрем Сирий, Слово о страданиях Спасителя

Боюсь говорить и коснуться языком сего страшного сказания о Спасителе, ибо действительно страшно повествовать о сем. Господь наш предан сегодня в руки грешников. Для чего же предается Он, Святой и Безгрешный Владыка? Ибо, ни в чем не согрешив, предан сегодня.

Приидите, и узнаем, за что предан Христос Спаситель наш. За нас нечестивых предан Владыка. Кто ж не подивится? Кто не прославит? Рабы согрешили, а Владыка предан, чтобы собственною смертью освободить согрешивших сынов. Сыны погибли и чада тьмы пришли во мраке удержать Солнце, Которое в одно мгновение может поглотить всех. Владыка же, видя их дерзость и гневное движение, с кротостью, добровольно предал Себя в руки нечестивых. И беззаконные, связав Пречистого Владыку, ругались над Ним, связавшим крепкого неразрешимыми узами и разрешившим нас от уз греховных. Сплели венец из терний своих, какие принес в плод иудейский виноградник. Ругаясь над Ним, называли царем, плевали беззаконные в лице Пречистому, от Чьего взора приходят в трепет все небесные силы и чины ангельские. Вот снова сжимают у меня сердце и печаль и слезы, когда представляю себе, что Владыка терпит от рабов такие оскорбления и укоризны, бичевание, заплевывание и заушение. Приидите, и познаете чрезмерность щедрот, терпение и милосердие сладчайшего Владыки. Был у Него благопотребный раб в раю сладости, и он согрешив предан истязателям. Но Благий, видя, что немощен он духом, умилосердился к рабу, сжалился над ним и Себя Самого отдал на бичевание за него. Желал бы я умолкнуть по чрезмерному смущению ума и опять убоился, чтобы молчанием своим не уничтожить Спасителю благодать. Впрочем, со страхом говорю вам; ибо трепещут кости мои, когда представляю себе, что общий всех Создатель, Сам Господь наш, предстоит сегодня пред Каиафой, как осужденный, и один из слуг дает ему заушение. Трепещет сердце мое, когда помышляю о всем этом. - Раб сидит, а Владыка предстоит; исполненный беззаконий произносит суд на Безгрешного. Содрогнулись небеса, в ужас пришли основания мира, в изумлении все ангелы и архангелы, Гавриил и Михаил закрыли лица свои крылами; херувимы скрылись за колесами престола, серафимы ударились крылами друг с другом в этот час, когда слуга дал заушение Владыке. И как основания земли выдержали и колебание и трепет в этот час, когда поруган был Владыка? Представляю себе это, и трепещу, и снова прихожу в сокрушение, взирая на долготерпение благого Владыки. Ибо вот содрогаются внутренности мои, когда говорю, что Создатель, по милости сотворивший человека из персти, заушен перстиею.

Придем в страх, братия, и не просто будем выслушивать все то, что Спаситель претерпел за нас. Скажи, жалкий слуга, за что заушил ты Владыку? Всякий раб, когда освобождают его от рабства, для приобретения временной свободы принимает заушение; но ты, жалкий, сам несправедливо заушил Освободителя всех! Что же ожидал ты получить от Каиафы в награду за сие заушение? Или не слыхал, не узнал ни от кого, что Иисус - Небесный Владыка? Заушение дал ты Владыке всех и соделался на веки веков рабом рабов, предметом укоризны и омерзения, навсегда осужден мучиться в огне неугасимом. Великое чудо, братия, видеть кротость Христа Царя! Заушенный рабом мудро отвечал Он с кротостью и всяким благочестием. Раб негодует, Владыка терпит; раб гневается, Владыка исполнен благодати. Кто в час гнева сдержит в себе раздражение и смятение? Но Господь наш совершил все это Своею благодатью. Кто же в состоянии будет изобразить долготерпение Твое, Владыка!

Приидите, о вожделенные, возлюбленные Христом, приобретшие сокрушение и любовь Спасителю, приидите узнать, что совершилось сегодня в Сионе, граде Давидовом, что сделало сегодня возлюбленное и избранное семя Авраамово - Пречистого Владыку предало оно смерти в день сей. Христос Спаситель наш руками беззаконных несправедливо распят на древе крестном.

Приидем все и с воздыханиями будем обливать тело свое слезами; потому что Господь наш, Царь славы, предан смерти за нас нечестивых. Если кто внезапно слышит о смерти возлюбленного сродника, или также внезапно видит пред очами возлюбленного своего лежащего мертвым, - изменяется в лице и омрачается светлость взора его. Так и ясное солнце, с небесной высоты увидев поругание Владыки на древе крестном, изменилось в лице, удержало лучи своей светлости, не потерпело взирать на поругание Владыки, облеклось печалью и тьмою. Также и Дух Святой, сущий во Отце, узрев Возлюбленного Сына на древе крестном, сверху до низу раздрав завесу - это украшение храма, немедленно удалился в виде голубя. Все твари были в страхе и трепете, когда страдал Спаситель, Небесный Царь. А мы грешные, за которых и предан Единый Бессмертный, все еще остаемся небрежными. Смеемся ежедневно, слыша о страданиях и поругании Спасителя. Роскошествуем каждый день, прилагая все свое попечение об украшении одежд. Солнце на небе, по причине Владычного поругания, во тьму преложило светлость свою, чтобы и мы, видя это, сделались подражателями. За тебя поруган Владыка на кресте, а ты, жалкий, украшаешь непрестанно наряд одежд своих. И не трепещет сердце твое, не ужасается мысль твоя, слыша это. За тебя нечестивого Единый Безгрешный предан смерти, поруганиям, поношению, а ты рассеянно выслушиваешь все это.

И всему словесному стаду надлежит взирать непрестанно на своего Пастыря и всегда любить и чтить Его; потому что за стадо Свое пострадал Он Бесстрастный и Пречистый; и не одеждами должно величаться тленными, а также не роскошною жизнью, не мирскими яствами, но подвигами и всякою честностью угождать Творцу. Не будем подражателями иудеев: это народ жестокий и непокорный, всегда отвергавший Божии дары и благодеяния. Всевышний Бог, ради Авраама и Завета Своего с ним, с самого начала терпел злонравие народа сего; дал им в пищу манну с неба, а они недостойные вожделевали зловонных снедей - чесноку. Также дал им воду из камня в пустыни; а они за сие, распяв на кресте, дали Ему оцет. Приложим старание, братие, чтобы не оказаться нам сообщниками иудеев, распявших Владыку, Создателя своего; приидем в страх, имея всегда пред глазами страдания Спасительны; будем всегда размышлять о страданиях Его. Ибо за нас пострадал бесстрастный Владыка, за нас распят Единый Безгрешный. Чем воздадим мы за сие, братия? Будем же внимательными к себе самим и не станем уничижать страданий Его. Приидите все чада Церкви, купленные честною и святою кровью пречистого Владыки. Приидите, - будем размышлять о страданиях со слезами и воздыханиями, страхом преисполняясь мысленно, с трепетом приступая к размышлению, говоря самим себе: "За нас нечестивых предан смерти Христос Спаситель наш".

Вникни, брат, что значит слышимое тобою. Безгрешный Бог, Сын Всевышнего, предан за тебя. Отверзи сердце свое, изучи в точности Его страдания и скажи в себе: "Безгрешный Бог сегодня предан, сегодня осмеян; сегодня поруган; сегодня заушен; сегодня терпел бичевание; сегодня носил терновый венец; сегодня распят Небесный Агнец. Да содрогнется сердце твое, да ужаснется душа твоя. Каждый день проливай слезы при сем размышлении о Владычных страданиях. Услаждаются слезы сии, просвещается душа, непрестанно размышляющая о страданиях Христовых". - Так всегда размышляя, плачь ежедневно и благодари Господа за страдания, которые претерпел за тебя, чтобы в день пришествия Его слезы твои обратились тебе в похвалу и прославление пред судилищем. Злопостражди и ты, размышляя о страданиях благого Владыки. Претерпи искушения от души. Блажен человек, который пред очами имеет Небесного Владыку и Его страдания, который распял себя самого для всех страстей и для всего земного и стал подражателем собственного своего Владыки. Вот благоразумие, вот расположение боголюбивых рабов, если всегда бывают они подражателями Владыке в добрых делах. Видишь, человек, Пречистого Владыку, висящего на кресте, и осмеливаешься, бесстыдный, в наслаждении и смехе проводить все время, какое живешь ты на земле! Или не знаешь, жалкий, что распятый Господь потребует ответа за все сии небрежения твои, о которых ты, слыша, нерадишь, и роскошествуя смеешься, и проводишь время в различных забавах? Придет страшный оный день, когда не престанешь плакать и взывать в огне от претерпеваемых мучений, и никто не даст тебе ответа, никто не сжалится над твоею душою.

Поклоняюсь Тебе, Владыка, благословляю Тебя, Благий, умоляю Тебя, Святой, припадаю к Тебе, Человеколюбец, и прославляю Тебя, Христе; потому что Ты, Единородный, Владыка всяческих, Единый Безгрешный, за меня недостойного грешника, предан смерти и смерти крестной, чтобы освободить душу грешника от греховных уз. И чем воздам Тебе за сие, Владыка? Слава Тебе, Человеколюбец! Слава Тебе, милосердый! Слава Тебе, долготерпеливый! Слава Тебе, прощающий все грехопадения! Слава Тебе, снисшедший спасти души наши! Слава Тебе, воплотившийся во чреве Девы! Слава Тебе, понесший узы! Слава Тебе, приявший бичевания! Слава Тебе, преданный посмеянию! Слава Тебе, распятый! Слава Тебе, погребенный! Слава Тебе, воскресший! Слава Тебе, проповеданный! Слава Тебе, в Которого мы уверовали! Слава Тебе, вознесшийся на небо! Слава Тебе, восседший с великою славою одесную Отца, и паки грядущий со славою Отца и со святыми ангелами судить всякую душу, уничивавшую святыя страдания Твои! В оный трепетный и страшный час, когда подвигнутся небесные Силы, когда пред славою Твоею со страхом и трепетом придут вместе ангелы, архангелы, херувимы и серафимы, когда еще потрясутся основания земли, и ужаснется всякое дыхание от несравнимо великой славы Твоей, - в оный час да покроет меня рука Твоя под крылами Своими, и да избавится душа моя от страшного огня и скрежета зубов, и тьмы кромешной, и вечного плача, чтобы и я, благословляя, мог сказать: Слава Восхотевшему спасти грешника по великим щедротам Своего благоутробия!

2. После кондака и икоса и утрени Святых Страстей

Синаксарь во святую и Великую пятницу

Стихи на Распятие:

*Боже, Ты — вечно живой,
и Ты — умерщвленный на древе!
Мертвое тело и с ним —
Слово живого Творца.*

Стихи на разбойника, распятого со Христом:

*Отпер разбойник врата,
что заперты были в Эдеме,
Вместо ключа, на кресте
он «Помяни мя...» сказал.*

В Святую и Великую пятницу мы совершаем святыя, спасительные и страшные Страдания Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа: оплевания, заушения, биение по щекам, оскорбления, насмешки, багряницу, трость, губку, уксус, гвозди, копьё и сверх этого всего Крест и смерть, которые Он принял ради нас по своей воле, а также спасительное исповедание на кресте распятого с Ним доброразумного разбойника.

Как только предан был наш Господь, проданный другом и учеником за тридцать сребренников, приводят Его сперва к первосвященнику Анне. Тот отсылает Христа к Каиафе, где Он, оплеванный, избитый по щекам, подвергнутый глумлению и осмеянию, услышал: Прореки нам, Христос, кто ударил Тебя? (Мф.26,68). Пришли туда и лжесвидетели, утверждавшие, будто Он сказал: Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его (Ин.2,19) и называл Себя Сыном Божиим, причем первосвященник, якобы не стерпев хулы, разодрал одежду свою. Наутро ведут Его к Пилату в преторию, но сами туда, как говорит евангелист, не входят, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху (Ин.18,28). "Пасхой" же называет он весь праздник, который тогда, как видно, и был, но Христос совершил ее днем раньше, желая быть принесенным в жертву одновременно с пасхой законной, то есть в пятницу.

Пилат, выйдя, спросил, в чем Его обвиняют, и, не найдя в обвинениях ничего сообразного [с римским законом], отсылает Христа к Каиафе, а тот — снова к Пилату, ибо домогался Его убиения. Пилат же говорит: Возьмите Его вы и распните, и по закону вашему судите Его (ср.:

Ин.18,31,19,6). Они же снова в ответ: Нам не позволено предавать смерти никого (Ин.18-31), подстрекая Пилата распять Его. И вот, вопрошает Пилат Христа: Ты Царь Иудейский? (Мф.27,11). А Христос признает Себя Царем, но вечным, ибо Царство Мое — утверждает Он, — не от мира сего (Ин.18,36). Пилат, желая Его отпустить, поначалу заявляет иудеям, что не находит в Нем никакой явной вины. Ссылается также на обычай отпускать в праздник одного из узников, но Варрава оказывается для них угоднее Христа. Пилат, угождая иудеям и подвергнув Иисуса бичеванию, выводит Его в воинском сопровождении облаченного в багряницу, носящего терновый венец, держащего в правой руке трость и терпящего издевательства от воинов, которые восклицали: Радуйся, Царь Иудейский! (Ин.19,3). Но, надругавшись так над Христом в угоду иудеям, Пилат заявляет вновь: "Ничего достойного смерти не нахожу в Нем" (ср.: Лк.23,22). Они же отвечают: "Мы покараем Его, потому что Он называет Себя Сыном Божиим". Покуда все это произносилось, Иисус молчал, народ же кричал Пилату: Распни, распни Его! (Лк.23,21), ибо враги хотели подвергнуть Его позорной смерти, чтобы истребить добрую память о Нем. Пилат, словно усовещивая их, спрашивает: Царя ли вашего распну? (Ин.19,15). Они же отвечают, что, кроме кесаря, не имеют иного царя. И поскольку о богохульстве упомянув, ничего не достигли, то снова ссылаются на кесаря, чтобы хоть так безумие свое утолить, почему и восклицают: Всякий, делающий себя царем, противник кесарю (Ин.19,12). Между тем жена Пилата, напуганная страшными сновидениями, послала сказать ему: "Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне ночью много пострадала за Него" (ср.: Мф.27,19). И он, омывшись, как бы слагает с себя вину за кровь Христову. Народ же кричал: Кровь Его на нас и на детях наших (Мф.27,25) и "если оставишь Его свободным, ты не друг кесарю" (ср.: Ин.19,12). Итак, связав Христа, хоть и зная твердо, что Он невиновен, Пилат отдает Его на крестную казнь, Варраву же отпускает. Видя это, Иуда бросил сребренники, вышел вон и, отойдя, умертвил себя чрез удушение, повесившись на дереве, а после лопнул, ибо раздулся до крайности.

Итак, воины, нанеся Христу оскорбление тростью по голове, возлагают на Него крест, а затем, заставив нести тот крест также и Симона из Кириanei, гонят вперед. И придя около третьего часа на Лобное место, там распинают Его, повесив с обеих сторон двух разбойников, дабы и Он считался злодеем. Одежды Его ввиду их убожества воины делят на части, а о бесшовном хитоне Его мечут жребий, преступая крайнюю меру бесчиния. И не только это, но и возле креста находившиеся насмехались: Э! разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого (Мк.15,29-30). И еще: Других спасал, а Себя не может спасти (Мк.15,31). И еще: Царь Израилев, пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем! (Цк.15,32). Но если бы искренне говорили, то подобало бы им без колебания к Нему присоединиться, ибо Он открывал Себя как Царь не Израиля только, но и всего мира. И вправду, что означало трехчасовое затмение солнца, и притом в середине дня, дабы происшедшее очевидно стало для всех? Что означало земли сотрясение или камней расседание, обличавшее неподатливость иудеев, или многих тел восстание для уверения всех в общем воскресении и обнаружения силы Страдавшего, или храмовой завесы раздрание, как будто храм негодовал, оттого что страждет Прославляемый в нем и многим открывал прежде невидимое? Христос, как говорит божественный Марк, распят был в третий час. А от шестого часа до девятого была тьма, когда и Лонгин-сотник, наблюдая необычайное, и особенно солнце померкшее, с силой возгласил: Истинно Он был Сын Божий (Мф.27,54). Из распятых рядом разбойников один глумился над Иисусом, другой же, укоряя со всей суровостью, запрещал ему, а Христа Сыном Божиим исповедовал. И Спаситель, вознагражден его за веру, обещает пребывание с Собою в раю. Итак, по окончании всех глумлений над Христом, Пилат начертал поверх Него надпись, гласившую: "Иисус Назарянин, Царь Иудейский". И хотя иудеи убеждали его написать не так, но будто бы Иисус Сам о Себе говорил подобное, Пилат возражает: Что я написал, то написал (Ин.19,22). Потом, когда Спаситель возгласил: "Жажду!", смешивают для Него иссоп с уксусом. И сказав: "Совершилось!", Он склонил главу и предал дух (ср.: Ин.19,30). Когда все удалились, приходит к кресту Его Мать и сестра Ее Мария Клеопова (которую Иаков породил за умершего бездетным Клеопу), а также Иоанн, любимый Его ученик. Безумные же иудеи, не довольствуясь зрелищем тел на кресте, просили Пилата, поскольку был великий день Пасхи и пятница, расплющить осужденным голени, дабы скорее наступила смерть.

И двоим перебили голени, ибо они были еще живы, но когда подошли к Иисусу и увидели, что Он уже умер, [от меры этой] воздержались. И вот, один из воинов, простерший в угоду безумным иудеям копьё, поражает Христа в правый бок, и тотчас истекают кровь и вода, и первое — поскольку Он человек, второе — поскольку Он превыше человека. Или иначе: кровь истекла для нашего приобщения святине Божества, а вода — для нашего крещения. Сей поистине двоеструйный источник заключает в себе установленное ради нас таинство. Это и Иоанн, бывший очевидцем, засвидетельствовал, и свидетельство его истинно, ибо он пишет как сам при всем находившийся и собственными глазами наблюдавший. А если б имел намерение солгать, не написал бы того, что могло показаться бесчестящим Учителя. Говорят, что именно он, присутствуя тогда на месте казни, воспринял в сосуд Божественную и Пресвятую Кровь от источника жизни ребра.

И вот, по совершении этих естество превосходящих событий, когда приблизился вечер, приходит Иосиф из Аримафеи, прежде тайный, как и прочие, ученик, и, войдя с дерзновением к Пилату, который был ему знаком, просит тело Иисуса, а тот позволяет взять. И Иосиф, сняв тело с креста, полагает его со всяческим благоговением. Едва наступила ночь, пришел Никодим, неся смирну и алоэ — некую смесь, наспех к тому часу составленную. И обвинив тело плащаницей, как было в обычае делать у иудеев, они полагают его поблизости, в высеченном внутри скалы гробе Иосифа, дабы, когда воскреснет Христос, воскресение Его не приписали кому-то другому. А о смеси алоэ и смирны, по природе клейких, евангелист упомянул с тем, чтобы при виде плащаницы и головного платя, оставленных во гробе, не подумали бы, что Христос украден. И вправду, как тому произойти, когда невозможно отделить их, столь крепко приставших, от плоти?

Таково все чудесным образом совершившееся в продолжение пятницы, и богоносные отцы указали нам вспоминать это с сокрушением и умилением сердца.

Итак, надлежит знать, что Господь был распят в шестой день недели, или в пятницу, потому, что в шестой день изначально сотворен человек. А на кресте в шестой час дня повешен был потому, что в этот же час, как говорят, и Адам простер руки свои, запретного древа коснулся и умер. Ибо подобало ему и воссозданным быть в час, когда сокрушен был. В саду же погребение потому, что и Адам пал в саду. Горькое питье на кресте изображало запретного плода вкушение, бесчестное обращение — нашу честь, терновый венец — упразднение клятвы, багряница — царское наше одеяние вместо кожаных одежд, гвозди — нашего греха всецелое обездействие, крест — древо в раю. Ребро пронзенное изображает Адамово ребро, откуда и Ева создана, чрез которую преступление заповеди случилось. Копье огненный меч от меня отвращает. Вода из ребра есть образ Крещения. А кровь и трость были ради того, что ими, словно красными письменами, Господь даровал нам, как Царь, прежнее отечество.

Утверждают, что череп Адамов лежал там, где и Христос, Глава всех, распят был, и потому окрещен он истекшею кровью Христовой. Лобным же место это зовется потому, что лобная кость главы Адамовой, освободившись от земли при потопе, одна только и кружилась на воде, словно видимый какой знак. Из почтения к праотцу Соломон руками всего войска своего покрыл то место множеством камней, почему и именовалось оно с тех пор Лифостротон, или Каменнопостланное. Некоторые же святые говорят, будто из предания известно, что сам Адам погребен там ангелом. Но где труп, там и орел явился (ср.: Мф.24,28) — Христос, вечный Царь, Новый Адам, Который Адама ветхого и при посредстве древа падшего деревом исцеляет.

По вышеестественному и безмерному Твоему милосердию к нам, Христе Боже, помилуй нас. Аминь.

3.1. На Царских часах (на 1-м, после Евангелия от Матфея)

Свт. Иоанн Златоуст [Sp.], О предательстве Иуды и о Страстях Господа нашего Иисуса Христа

Вижу церковь мрачною, угрюмо выражающею предательство со стороны своего родного сына. Ужасное дело: и заготовлено убийство, и страдалец — небесный Судия живых и мертвых. Но ужаснее всего: вдруг враг и злоумышленник — недавний ученик и последователь, разом (стала) зверем овца, апостол — отступником от света, раб несогласный — продавцом Владыки; это — (считающийся) двенадцатым после одиннадцати учеников. И почему не назвать мне имени, чтобы не навлекать бесчестия на всех апостолов укрывательством виновника? «Тогда один из двенадцати... пошел» («Шед един от обоюнадесяте»). Кто? «Называемый Иуда» («Глаголемый Иуда») (Мф. 26:14). И еще, чтобы невинный не скрывал виновного (так как мы находим между апостолами другого, названного тем же именем): «Иуда Искариотский, — говорится, — один из двенадцати... пошел» («един шед от обоюнадесяте»). И не один: у него был с собою помощником диавол. Отправившись к архиереям, он сказал: «что вы дадите мне, и я вам предам Его?» («что хотите ми дати, и аз вам предам его») (Мф. 26:15). Скажи мне теперь, Иуда, предлагающий продать Владыку мира и своего учителя, — во что ты ценишь достоинство ученика? Что вынуждает тебя отправиться на предательство своего царя? В чем ты увидел предпочтение тебе остальных соучеников, что задумал это незаконное дело? Ведь ты знаешь голос Владыки, бывший к тебе и одиннадцати апостолам: "кто хочет в вас быть первым, будь из всех последним и всем слугою» («аще кто хочет быти старей, да будет всех меньший, и всем слуга») (Мк. 9:35). Разве не сказал Он наперед этого, чтобы остановить твой замысел? И Он поощрил тебя служением в числе первых, чтобы ты, как последний, подверженный недостойной болезни, не изготовил своего коварства. Если бы ты не был жаден к деньгам, когда дарил иудеям предательство, то можно было подумать, что ты, перенесши что-нибудь несправое, ушел для мщения за несправедливость. Но слова твои: «что вы дадите мне, и я вам предам Его?» («что хотите ми дати, и аз вам предам его»), ясно обнаруживают тебя в твоей коварности.

«Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» («Они же поставиша ему тридесять сребреник: и оттоле искаше удобна време, да его предаст») (Мф. 26:15–16). Что ты делаешь, Иуда: согласился в тридцати сребрениках за драгоценную жемчужину? Исчисли сначала звезды, которые создал Он только словом, и тогда подумай предать словом Слово.

«Искал удобного случая предать Его» («Искаше удобна време, да его предаст»). Он создал времена и веки, и против Него он искал времени, удобного для своего предательства!

«Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» («Вечеру же бывшу возлежаше со обеманадесяте ученикома. И ядущим им рече: аминь, аминь глаголю вам, ...един от вас предаст мя») (Мф. 26:20–21). «Он пошел против Меня и вас, и чему научился, того не мог сохранить».

«Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи?» («И скорбяще зело начаша глаголати ему... кийждо их: еда аз есмь, Господи») (Мф. 26:22). Сказанным Он всех побудил к точному исследованию своей совести, у кого сокрытое в сердце (было) чисто. Иисус в ответ сказал: «Зачем вам всем оклеветывать себя предприятием предателя? «Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня» («Омочивый со мною в солило руку, той мя предаст») (Мф. 26:23). Невольно он указывает на себя, раньше дела говорит, хотя и не желает; имя его сохранится Мною до тех пор, пока он выскажет вам свой замысел против Меня».

«При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал» («Отвещав же Иуда предай сего, рече: еда аз есмь, равви? Глагола ему: ты рекл еси») (Мф. 26:25). «Ты оправдал одиннадцать, показав их невинными в совершаемом тобою. Прими и другое осуждение за то, что думаешь делать по сребролюбию».

«И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: примите, пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» («Ядущим же им, прием Иисус хлеб, и благословив преломи, и даяше учеником своим, и рече: примите, ядите: сие есть тело мое. И прием чашу... хвалу воздав, даде глаголя: пейте от нея

вси: сия бо есть кровь моя, новаго завета, яже за многия изливаемая во оставление грехов») (Мф.26:26–28).

"Приимите, пейте из нее все» («пийте от нея вси»). «И ты, — говорит, — предатель, будь участником в вечной жизни; и если останешься в ней, то прощается тебе твой договор с иудеями; а если ты не уничтожишь в себе своего желанья, то всегда сознавай, сколь человеколюбивого Владыку ты продаешь». Но он, не воспользовавшись милосердием Владычним, уйдя к иудеям, торопился привести в исполнение свое намерение. «И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и колющими, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» («И... се Иуда един от обоюнадесяте прииде, и с ним народ мног со оружием и дреколми, от архиерей и старец людских. Предай же его, даде им знамение глаголя: егоже аще лобжу, той есть: имите его») (Мф. 26:47–48). «Обращайте внимание на мои губы; иначе Слово не может быть предано».

«И, тотчас подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его» («И абие приступль ко Иисусови рече ему: радуйся равви: и облобыза его») (Мф. 26:49). О, поцелуй! Уничтожение мира во вселенной, или, по правде скорее сказать, прекращение мировой войны, хотя ты, Иуда, дерзнул на предательство, не стремясь к этой цели! «Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?» («Иисус же рече ему: друже, на сие ли пришел еси ") (Мф. 26:50). — Ты дал Мне целование; исполни свой договор с предстоящими».

«Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его» («Тогда приступльше возложиша руце на Иисуса, и яша его») (Мф. 26:50). Отошел предатель чуждым от апостолов, и начальник жизни приведен к иудеям на смерть; приготовлен крест, и гроб создается для жизни; мертвые восстают, и в ад отправляется Иуда; распинается Спаситель с разбойниками, и всех зовет в рай. Ему слава и держава во веки веков.

3.2. На Царских часах (на 3-м, после Евангелия от Марка)

Свт. Иоанн Златоуст, Беседа 85-я на Евангелие от Матфея

«Тогда плевали Ему в лице и заушали Его, другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя».
(Матф. 26:67–68)

1. Для чего они это делали, если хотели умертвить Его? Что была за нужда в таком издевательстве? Разве та, чтобы видел ты наглый нрав их? Подлинно, как будто найдя добычу, они обнаруживали свое исступление: порывались бешенством, совершая это торжество, со злобной радостью бросались на Него, выказывая убийственный свой нрав. Подивись же любомудрию учеников: с какой тщательностью они повествуют об этом! Здесь ясно обнаруживается их любовь к истине; то, что кажется бесчестным, они пересказывают со всей точностью, ничего не утаивают, ничего не стыдятся, но еще и за великую честь считают, — и справедливо, — что Владыка вселенной благоволил понести за нас такие страдания. Это показывало неизреченную Его попечительность и непростительную злобу тех, которые со столь кротким и тихим поступали так, как только может поступать лев с агнцем. Ничего, ничего здесь не опущено, ни с Его стороны — в кротости, ни с их — в злобе и жестокости на словах и на деле. Все это предвозвестил и пророк Исаия, так, в кратких словах, выражая это поношение: "как", говорит, «многие изумлялись, смотря на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих» (Ис. 52:14). Что может сравниться с этим оскорблением? На то самое лицо, увидев которое устыдилось море, от которого солнце, узрев на кресте, скрыло лучи свои, — на то самое лицо плевали, то самое лицо заушали, били по голове, безмерно увлекаемые своим неистовством. Наносили удары самые жесточайшие, били по щекам, заушали, и к этим язвам присоединяли

позор оплевания. Мало того, — громко повторяли едкие насмешки, говоря: «прореки нам, Христос, кто ударил Тебя», так как многие называли Его пророком. Другой евангелист (Лук. 22:64) говорит, что они закрывали при этом лицо Его одеждой, то есть, как будто имели перед собой человека самого бесчестного и ничего не стоящего. И не только свободные, но и рабы ругались над Ним с таким безумием. Об этих-то событиях должны мы читать Писание как можно чаще; о них слушать со всем вниманием; начертывать их на сердце нашем: все это для нас истинно честь. Этим я хвалюсь: хвалюсь не тысячей только мертвецов, которых воскресил Он, но и теми страданиями, которые Он претерпел. Об этом и Павел непрестанно повторяет, то есть, о кресте, о смерти, о страданиях, о поруганиях, о поношениях, о насмешках. Он то говорит: «выйдем к Нему за стан, нося Его поругание» (Евр. 13:13), то проповедует: «вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12:2). «Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвой, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько» (Матф. 26:69–75). Странное и неожиданное дело! Когда Петр видел, как только задерживали Учителя, он до такой степени воспламенился, что схватил меч и отрезал ухо; а когда надлежало большее обнаружить негодование, более воспламениться, слыша такие поругания, — тогда он отрекается! Кого, в самом деле, не привело бы в ярость то, что происходило тогда? И, однако, ученик, побежденный страхом, не только не показывает никакого негодования, но и отрекается, не сносит угрозы бедной, бессильной служанки. И не однажды, но и в другой и третий раз отрекается, и в короткое время, и не перед судьями, так как он был во дворе, и служанка спрашивала его тогда, когда он выходил за ворота. Не тотчас почувствовал он и свое падение. Лука говорит, что Иисус воззрел на него (Лук. 22:10), т. е. он не только отрекся, но и тогда, как пел петух, не вспомнил сам по себе, а надобно было, чтоб напомнил ему опять Учитель: взор служил ему вместо голоса. Так он был поражен страхом! Марк же повествует, что петух запел, когда Петр отрекся в первый раз; потом вторично запел, когда тот отрекся в третий раз (Марк 14:68–72), — то есть, точнее, пересказывает о слабости ученика и об его оцепенении от ужаса; а Марк узнал об этом от учителя своего, так как был спутником Петра. Поэтому тем более надлежит удивляться ему, что он не только не скрыл падения учителя своего, но напротив. Потому-то яснее прочих и рассказал об этом, что был учеником.

2. Но как же могут быть справедливы слова Матфея, когда он повествует, что Иисус сказал: «истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Матф. 26:34), тогда как Марк, сказав о троекратном отвержении, упоминает, что «петух запел во второй раз» (Марк 14:72)? Справедливы вполне и здесь нет никакого противоречия. Так как петух в каждый прием обыкновенно кричит по три и четыре раза, то Марк и говорит об этом, желая показать, что и крик петуха не удержал Петра от падения, и не привел ему на память обещания его. Таким образом, и то и другое справедливо. Прежде, нежели петух успел кончить первый прием, Петр отрекся трижды. И когда Христос привел ему на память грех, он не осмелился плакать явно, чтобы по слезам не быть обвиненным, но «выйдя вон, плакал горько». Когда наступил день, "отвели" Иисуса от Каиафы "к Пилату" (Матф. 27:2). Так как они решились умертвить Его, но сами не могли, по причине праздника, то и ведут к игемону. Размысли же теперь, как они спешили, если даже в праздник совершили такое дело? Так было предуставлено свыше! «Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников» (Матф. 27:3). Это увеличивает вину и его, и их: его — не потому, что он раскаялся, а потому, что раскаялся слишком поздно и сам над собой произнес осуждение, так как сам исповедал, что предал Его; их же вину увеличивает потому, что они, имея возможность переменить свои мысли, не раскаялись. Смотри, когда Иуда раскаивается? Когда уже совершено и приведено к концу преступление. Таков дьявол: он не дает беспечным взглянуть на грех свой

прежде, чем они совершат его, чтобы пойманный не раскаялся. Предатель не трогался тогда, как Иисус столько раз обличал его, но когда уже совершено преступление, пришло ему на мысль покаяние, — пришло, но уже без пользы. Конечно, заслуживает одобрения то, что он сознался, повергнул сребреники, и не устранился иудеев; но что сам на себя надел петлю, — это грех непростительный, это дело злого демона. Дьявол отвлек его от покаяния, чтобы оно осталось для него совершенно бесполезным; он же и умертвил смертью позорной и для всех открытой, внушив ему погубить самого себя. Но ты можешь видеть, как истина сияет всюду, даже и в том, что делают, или чему подвергаются враги. В самом деле, такая смерть предателя не заграждает ли уста осудивших Иисуса и не лишает ли их всякого предлога к бесстыдному самооправданию? Что они могут сказать, когда предатель сам против себя подал такой голос? Но посмотрим и на слова, какие они говорили. «Возвратил тридцать сребреников первосвященникам», и сказал: «согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храм, он вышел, пошел и удавился» (Матф. 27:3–5). Не вынес мучений совести. Но смотри: и с иудеями происходит то же самое, и они, долженствуя почувствоваться после всего, что испытали над собой, останавливаются не прежде как уже совершив преступление. Грех Иуды, то есть, предательство, уже совершен, — а их грех еще не совершен. Но вот, когда и они кончили свое дело, и распяли Иисуса, то и сами приходят в смятение. То говорят: «не пиши: сей есть царь Иудейский» (Иоан. 19:2) (хотя чего ж бояться вам, отчего смущаться, когда мертвое тело уже пригвождено к кресту?), то берегут Его, говоря: «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого» (Матф. 27:64). Но если ученики и скажут так, то дело можно обнаружить, если оно несправедливо. Да и как похитят те, которые после того, как он был схвачен, не имели смелости остаться с Ним, а самый верховный еще трижды, и отрекся Его, не снеся угрозы служанки? Но дело в том, что они, как я сказал, уже смущались. А что они признавали дело это законопреступным, — это показывают их слова: «смотри сам».

Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнью настоящей, ни жизнью будущей, но вдруг лишился всего и, от них же самих, получив худой отзыв, удавился. Но, как я сказал, некоторые осматриваются, сделав уже дело. Смотри же, как и эти не хотят теперь вполне почувствовать злодейской решимости, а говорят: «смотри сам», — что особенно увеличивает их вину. Это слова людей, которые сами свидетельствуют о своем злодействе и беззаконии, а между тем, будучи упоены страстью, не хотят отстать от сатанинского предприятия, и безумно прикрывают себя бессмысленной личиной притворного неведения. Если бы это сказано было после распятия, и уже после смерти Его, то и тогда даже слова эти не имели бы смысла, хотя и не столько бы обвиняли их; а теперь, когда Он еще у вас, и вы властны отпустить Его, как вы можете говорить это? Это оправдание всего более и служит к вашему осуждению. Почему так? Потому, что слагаете всю вину на предателя (говорите: «смотри сам»), тогда как можете отстать от христубийства и отпустить Его. Но нет, они еще состязаются с Иудой в злодействе, присоединяя к предательству крест. В самом деле, что препятствовало тем, которые сказали: «смотри сам», отстать от злодеяния? Но они теперь поступают напротив, — присовокупляют убийство, и во всем, что ни делают, что ни говорят, сами себя опутывают нерасторжимыми узами зла. И после, когда Пилат предоставил им выбор, они предпочли освободить разбойника, а не Иисуса; Того же, Который ничем никого не оскорбил, а напротив, оказал столько благодеяний, убили!

3. Что делает Иуда? Когда он увидел, что трудился бесполезно, и что они не хотят принять сребреников его, бросил их в храм, и «пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землей крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (Матф. 27:6–10). Видишь ли

опять, как они осуждаются совестью? Они видели, что купили убийство, а потому не положили в сокровищницу, а купили землю горшечника для погребения странников. Вот свидетельство против них и обличение предательства! Название места громче трубы возвещает всем о гнусном их убийстве. И это делают они непросто, но — «сделав совещание», и поступают так во всем, чтобы никто не остался неповинным в этом беззаконии, но чтобы все были виновны. Это предсказано и в пророчестве. Видишь ли, как не только апостолы, но и пророки со всей тщательностью повествуют о поношениях, проповедуют всюду о страданиях и наперед предсказывают им? А иудеи не поняли этого. Если бы они положили в сокровищницу, дело не обнаружилось бы так ясно, купив же землю, они сделали все гласным и для будущих родов. Внимайте вы, которые убийствами думаете благотворить ближним, и берете цену душ человеческих. Это милостыни иудейские, или лучше сказать, сатанинские! Есть, подлинно есть и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят десять или сто златниц. О них-то пророк говорит: «заставляете обливаться слезами жертвенник» (Малах. 2:13). Не хочет Христос питаться плодами любостязания, не принимает Он такой пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше презреть томимого голодом, нежели кормить такой пищей. То — дело человека жестокосердого, а это и жестокосердого, и обидчика. Лучше ничего не давать, чем давать чужое. Скажи мне, если б ты увидел двух людей — одного нагого, а другого в одежде, и, раздев последнего, одел первого, то разве не неправо поступил бы ты? Всякий с этим согласится. Если же ты, и отдавая все взятое другому, обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда даешь только малейшую часть из похищенного, и называешь это милостыней, — какого не достоин ты наказания? Если приносившие хромое животное подвергались суду, то ты, который делаешь хуже, какого можешь ожидать прощения? В самом деле, если в ветхом завете хищник, возвращавший самому владельцу похищенное, все еще оставался неправ и притом до такой степени, что даже и тогда, как уплачивал вчетверо против похищенного, едва смывал вину свою, то подумай, какой огонь собирает на голову свою тот, кто не только похищает, но делает еще насилие, и притом возвращает не самому ограбленному, а вместо него отдает другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращает, живя притом не в ветхом, а в новом завете? Если такой хищник остается не наказанным, то рыдай о нем по тому самому, что он собирает себе тягчайший гнев, если он не покается. Думаете ли вы, говорил Спаситель, что только те одни были грешны, на которых упал столп? «Ни, глаголю вам: но если не покаетесь», то и вы потерпите то же самое (Лук. 13:5). Итак, покаемся, и дадим милостыню не из прибытков любостязания, дадим милостыню щедрую. Представьте себе, как иудеи питали восемь тысяч левитов, кроме них — вдов, сирот, притом исполняли многие и другие должности, а также бывали и на войне. Ныне же Церковь сама содержит поля, дома, дает поземельную за дома, содержит колесницы, конюхов, мулов и другое многое, для вас же, и по причине вашего жестокосердия. Надлежало бы этим сокровищам церковным находиться в руках ваших, а доходом церкви должно бы служить ваше усердие. Теперь же проистекают из этого две следующие несообразности: и вы остаетесь без плода, и священники Божьи не занимаются надлежащим делом. Ужели за апостолами не могли оставаться дома и поля? Почему же они продавали их и раздавали все? Потому что так лучше было.

4. Но ныне, когда вы до безумия заняты житейскими попечениями, когда вы только собираете, а не расточаете, — страх объял отцов ваших на счет участи вдов, сирот и дев, как бы не сгибли толпы этих несчастных от голода, а потому они принуждены были установить такой порядок. Они совсем не хотели заниматься сами такими неподобающими делами; они желали, чтобы только ваше усердие было их собственностью, чтобы от него получить все плоды, а самим бы пребывать в молитвах. Теперь же вы принудили их подражать людям мирским, живущим хозяйством: отсюда все извратилось. В самом деле, когда и вы, и мы занимаемся одним и тем же, то кому умиловать Бога? Мы не смеем отверзть уст, так как церковь является уже ничем не лучше людей мирских. Разве вы не знаете, как апостолы не хотели разделять имений, даже и без труда собранных? А ныне наши епископы в подобных заботах превзошли самих приставников, экономов и корчемников, и в то время как им надлежало бы печься о ваших душах, они каждый день озабочены тем, чем обыкновенно занимаются сборщики, приемщики, счетчики и казначеи.

Не напрасно я говорю об этом и изливаю скорбь мою. Я желал бы видеть какое-нибудь исправление и перемену; желал бы, чтобы над нами, удрученными столь тяжким рабством, сжалились, наконец, чтоб вы сделались опять для Церкви и доходом, и сокровищем. Если же не хотите, то вот нищие перед глазами вашими. Скольких можем, не перестанем питать мы; а тех, кого не будем в состоянии призреть, предоставляем вам, — чтобы не услышали вы в страшный день этих слов, относящихся к немилостивым и жестоким: вы Меня видели алчущего, и не напители. Ваше бесчеловечие и нас вместе делает смешными, когда мы, оставив молитву и учение, и другие святые занятия, толкаемся и день и ночь, одни с виноторговцами, другие с хлеботорговцами, третьи с торговцами иного рода. Отсюда ссоры и споры, ежедневная брань, упреки и насмешки; отсюда священнику дают имена, приличные более в мирском хозяйстве, между тем как надлежало бы заменить их совсем другими, и заимствовать наименования от тех действий, от которых заповедали заимствовать и апостолы: от питания нищих, от защиты обижаемых, от попечения о странных, от вспомоществования бедствующим, от смотра за сиротами, от заступления вдов, от покровительства дев. Эти-то служения и следовало бы выделить себе, вместо попечения об имениях и жилищах. Они-то составляют дорогие редкости и приличные сокровища Церкви, они-то доставляют нам великое удобство, а вам пользу, или лучше, вам же — и удобство, и пользу. Думаю, что благодатью Божьей число собирающихся сюда простирается до ста тысяч; и если бы каждый хотя по одному хлебу подавал нищей братии, то все были бы в изобилии; или если бы каждый уделял по одному оболу (полушке), тогда и бедных не было бы, и мы не стали бы претерпевать столько поношений и осмеяний за заботливость о стяжаниях. Ведь слова: «продай имение твое и дай нищим, и потом иди за Мной» (Матф. 19:21) прилично могут быть сказаны и первостоятелям Церкви, на счет церковных имуществ. Никому нельзя следовать за Христом надлежащим образом иначе, как оставив всякую грубую и низкую заботливость. Ныне же священники Божьи хлопочут и о собирании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей. Служившие сени были совершенно свободны от всего этого, хотя им и вручено было служение телесное; а мы, призываемые в самое святилище небес, входящие в истинное святое святых, принимаем опять на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Отсюда и большое небрежение о Писании, и леность в молитвах, и нерадение обо всем прочем. Нельзя же ведь с одинаковым старанием делить себя на то и другое. Поэтому я прошу и умоляю открыть для нас источники обилия, да сделается ваше усердие и гумном, и точилом нашим. Таким образом и нищие удобно будут питаемы, и Бог будет неумолчно прославляем, и вы, оказывая более успехов в человеколюбии, насладитесь некогда вечных благ, коих все да удостоимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

3.3. На Царских часах (на 6-м, после Евангелия от Луки)

Свт. Иоанн Златоуст [Sp.], На святые Страсти Господни

Сегодня хочу исполнить вчерашнее обещание, возлюбленные. Спрашиваю, где мы тогда закончили слово. Мы говорили, что иудеи приняли замысел против Иисуса, чтоб Его убить. И вот, когда они собрались вместе, явился пред ними Иуда и говорит им: «что вы дадите мне, и я вам предам Его» (Мф.26:15)? Они же, встав, с мечами и дрекольями последовали за ним. И «дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его» (Мф.26:48). И когда они пришли на место, где был Иисус с учениками Своими, Иуда, выступив вперед, облобызал его со словами: «радуйся, Равви» (Мф.26:49). Господь же сказал ему: «друг, для чего ты пришел» (Мф.26:50)? Делай, за чем пришел. О, целование коварное, нагромождение беззакония и погибели! О, целование горькое, гибель души, путь в геенну! Блудница, целовавшая ноги Господа, возвала из нечистоты душу свою. А этот, поцеловав, изглажен из книги жизни. О, любомудрие женщины! О, неразумие ученика! Когда та целовала ноги Господа, радовались ангелы и приготавливали ей венец. Когда целовал этот, радовались демоны и плели веревку для повешения. «Радуйся, Равви». Он радуется, а ты будешь страдать, потому что от радости отвержен. «Радуйся, Равви. И поцеловал Его» (Мф.26:49). И, схватив, повели Его к архиереям Анне и Каиафе. Искали лжесвидетельства на Него, и не находили. Тогда повели Его (к Пилату) и поставили Его. Пилат спросил Его: «Ты Царь Иудейский»? Господь же молчал, как написано: «безгласен, ...Он не отверзал уст Своих»

(Ис.53:7). Пилат сидел, судя, а Тот, Который будет судить живых и мертвых, стоял, Солнце правды стояло, и Господь терпел суд над собою ради спасения мира. Пилат, убедившись из самого дела, что Его предали по зависти, взял воду и умыл руки пред народом, говоря: «невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы» (Мф.27:24). Иуда же, увидев, что Он осужден, отдал серебро архиереям со словами: «согрешил я, предав кровь невинную» (Мф.27:24). «И, бросив сребренники в храм, он вышел, пошел и удавился» (Мф..27:25). И исполнилось написанное: «злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс.7:17). Пилат же сказал иудеям: «я не нахожу никакой вины в этом человеке»(Лк.23:4). И желая отпустить Его, говорит им: у вас есть обычай на праздник отпускать одного из заключенных. Итак слушайте: я отпущу вам одного, в ком не нахожу никакой вины. А они, крича, требовали отпустить убийцу, а о Том, кто оправдывает нечестивых, кричали: "распни" (Лк.23:21). Тогда Пилат предал Его после бичевания на распятие. Господь подвергся бичеванию, чтобы избавить нас от уз и бичей диавола; Он носил венец из терния, чтобы разрешить тяготевшее на нас проклятие. Терния и волчцы поведано было производить земле за преступление: она приносит терновый венец на главу, чтобы разрешить тяготевшее на нас проклятие. Он распят на древе, чтобы разрешить грех, происшедший чрез древо: чрез древо изгнал Адама из рая сатана, чрез древо же и Господь разбойника сделал обитателем рая. И вот что удивительно, возлюбленные. В шестой день Господь сотворил Адама, и в шестой день он был изгнан из рая. Потому Господь в шестой же день открыл двери рая и ввел туда разбойника. Адам, преслушавший заповедь Господню, был изгнан из рая вечером. Вечером же и разбойник, послушавшийся гласа Владычня, был введен в рай.

Итак, когда увидел диавол, что все произошло по домостроительству (Божию), увидел бывшие у креста знамения: солнце померкшее, землю колеблющуюся, завесу храма раздравшуюся, скалы разверзающиеся и себя самого посрамленного, — он бежал к аду и сказал ему: «горе мне несчастному, я посрамлен; помоги моему бессилию; запрем двери, чтобы Он не вошел сюда; укрепим их запорами, и всеми силами противостанем, чтоб не принять Его». Итак, в ад побежал, запер двери и укрепил железные запоры. И вот Господь идет в ад, преследуя диавола, и силы небесные следуют перед Ним. Но ворота заперты. И воскликнули небесные силы: «Поднимите, ворота, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы» (Пс.23:9). И говорит в ответ изнутри ад: «Кто сей Царь славы»? И опять говорят силы: «Господь сил, Он — царь славы» (Пс.23:10). Ад сказал в ответ: «кто есть Тот, о Ком вы говорите»? И если Он таков, что Ему здесь нужно? Зачем оставил Он небо и пришел сюда?» И отвечают силы: «так как Он есть Царь славы, Он пришел связать и предать тебе того, кто осужден за возмущение, и вызвать и вывести из тебя Своих воинов». Ад говорит диаволу: «треглавый Веельзевул, изверженный из ангелов, посмешище святых, бессильный, скрытый от света, не говорил ли я тебе — не вой с Ним? Вот теперь исполняется то, что я тебе предсказывал. Что делаешь, несчастный? Зачем не послушал моих слов? Вот Он пришел требовать тебя и связать, из-за тебя и я стану пленником. Выйди, если можешь, и сразись с Ним, а я не могу тебе помочь». Диавол говорит ему: «сжался надо мною, — не открывай (дверей); иногда Он обращается назад, поборись за меня пока, хотя я и посрамлен; да и кто не посрамится от таких слов Его? Некогда, боясь смерти, Он сказал: «душа Моя скорбит смертельно». А в другой раз Он умолял Отца, говоря: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф.26:38, 39). Эти слова прельстили меня». Тот сказал в ответ: «И я несчастный тоже предполагал, что Он страдает, боясь смерти». Когда они говорили это, силы не переставали взывать: «Поднимите, ворота, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы» И пророки, услышав глас Царя славы, радовались и ликовали. Иоанн сказал: «Не говорил ли я вам, что Он придет и выведет нас?» Все радовались и говорили аду: «Открой свои ворота, да внидет Царь славы». Но ад не повиновался. И сказал пророк Давид: «Оставьте его, так как должно исполниться мое пророчество. Когда я был на земле, я предвидел то, что будет, именно, что он не откроется сам собою, и сказал: «ибо Он сокрушил ворота медные и верей железные сломил» (Пс.106:16). И тотчас, приступив, Господь сокрушил ворота и сломал запоры, и попрали силы ада, и муки смертные разрешил, и жало ада притупил. И исполнилось Писание: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа» (1Кор. 15:55)? Навстречу ему вышли пророки с радостью и ликованием, воспевая и говоря: «благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних»(Мф..21:9). Тогда

взял Господь диавола и связал его узами неразрешимыми; Он послал его в преисподнюю ада и уготовал ему огонь неугасающий и червей неумирающих; там заключен он, плачущий и стонающий. А пророков Господь вывел всех из ада и сказал им: «следуйте в рай», — и они с радостью вышли из ада. Давид первый, ударяя по струнам кифары, возгласил с веселием: «Приидите, воспоем Господу, воскликнем твердые спасения нашего» (Пс.94:1), потому что победил Царь, сражавшийся за нас». И все отвечали: «аллилуя». Давид опять возгласил: «Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости» (Пс.46:2), потому что победил Царь, сражавшийся за нас.

Так радуясь, они достигли рая и, вошедши туда, нашли там разбойника. С изумлением они сказали ему: «кто привел тебя сюда? Кто открыл тебе двери? За какие деяния вошел ты сюда прежде нас? Не разбойничать ли и сюда пришел? Не грабить ли и здесь явился? Мало было тебе земного, — хочешь похищать и небесное? Скажи нам, — кто привел тебя сюда? Не завидуем тебе, что ты вошел сюда, но хотим знать причину». Он сказал им в ответ: «По делам своим я недостойн войти сюда, но человеколюбивый и милостивый Владыка ввел меня сюда. Я не имею ничего доброго, почему и осудили меня иудеи на смерть вместе с бессмертным Царем; но, желая меня убить, они дали мне больше жизни, распяв меня со Христом. Увидев знамения, бывшие при кресте, и поняв, что Он есть Сын Божий, я громким голосом воскликнул следующие слова: «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое»(Лк.23:42, 43). И тотчас приняв мою молитву, Он говорит мне: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк.23:43). Он дал мне знамение крестное, говоря: возьми это и иди в рай; если пламенный меч не допустит тебя войти, покажи ему царское знамение, и он откроет тебе двери. Я пошел, но пламенный меч, стерегущий рай, как только увидел меня, запер двери. Тогда я сказал, что Царь, ныне распятый, сам послал меня сюда, и показал ему крестное знамение. Тотчас же он впустил меня. Вошедши, я не нашел никого и, мысленно удивляясь, сказал самому себе: «где же Авраам, Исаак и остальное множество святых пророков»? И вот, когда я удивлялся и размышлял, явились мне с правой стороны востока два мужа, ветхие деньми, чудные видом и необыкновенные лицом. Они спрашивали меня, говоря: кто ты? Ты не Авраам, потому что у того священная одежда; ты не Моисей, потому что он гугнив и медленноязычен, а у тебя ясная речь. Кто же ты? Ты нам кажешься разбойником, так как и одежда у тебя разбойничья. Тогда я признался, что я разбойник, и что Владыка рая ввел меня сюда, так как я сопутствовал Ему до смерти, которую Он претерпел за нас. Потом я спросил их: «А вы кто»? Один из них сказал мне в ответ: «я Илия Фесвитянин, я был вознесен сюда на огненной колеснице и еще не видел смерти, а тот, что со мною, Енох, который принесен сюда по слову Божию». Услышав это, пророки прославили Бога за такую милость, дарованную грешникам. А Господь, обезоружив смерть, поправ ад, исцелив древо древо, разрушив врата и сокрушив запоры ада, связав диавола и освободив мир, вознес всех на небеса, воскресши из мертвых. Потому воспоем воплотившегося, прославим распятого, возблагодарим воскресшего, да и нас избавит Он из мрака грехов наших и сделает наследниками Своего царства. Ему подобает честь и поклонение с безначальным Его Отцем и Всесвятым и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

3.4. На Царских часах (на 9-м, после Евангелия от Иоанна)

Свт. Иоанн Златоуст, Беседа 88-я на Евангелие от Матфея

«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого;
а около девятого часа возопил Иисус громким голосом:
Или, Или! лама савахфани?
то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил».
(Матф. 27:62–64)

1. Ложь везде обличает себя, и как бы невольно защищает истину. Смотри: надлежало верить тому, что Он умер и погребен и воскрес, — и все это через самих врагов становится достойным

всякого вероятия. Вникни в эти слова, которые вполне подтверждают все это. «Мы вспомнили», говорят, «что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал», — следовательно Он скончался; «после трех дней воскресну; итак, прикажи охранять гроб», — следовательно погребен Он; «чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его», — следовательно, если гроб запечатан, то обмана уже не будет. Невозможное дело! Итак, в самой вашей же просьбе дано непререкаемое доказательство Его воскресения. Если гроб был запечатан, то не было никакого и обмана; если не было обмана, а гроб найден пустым, то явно, что Он воскрес, — нельзя и прекословить этому. Видишь ли, как и против воли подвизаются в пользу истины? Рассмотрим также, как дорожат истиной и ученики, — как ничего не скрывают из того, что сказано врагами, хотя бы то было и позорное. Вот они называют Его обманщиком; и ученики не умалчивают об этом. Это показывает и жестокость врагов, доходивших до того, что даже и по смерти не оставляли своего гнева, и вместе простоту и правдолюбие учеников. Надлежит при этом исследовать и то, где сказал Он: «после трех дней воскресну». Более ясных слов об этом нигде не найдешь, кроме примера Ионы. Беззаконные иудеи знали, следовательно, и понимали слова Его, и сознательно злодействовали. Что же отвечает им Пилат? "Имеете", говорит, «стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать» (Матф. 27:65–66). Он не позволяет воинам одним печатать. Как бы узнав о его делах, он не хочет более действовать с ними за одно; а чтобы освободиться от них, позволяет им оградить гроб, и говорит: вы, как хотите, печатайте, чтобы после не винить других. Подлинно, если бы одни воины запечатали, то иудеи могли бы сказать (хотя это и была бы невероятная ложь; но все же они как в других случаях бесстыдно клеветали, так и теперь могли бы сказать), что воины позволили унести тело, и дали ученикам возможность измыслить весть о воскресении. Теперь же, когда они сами утвердили гроб, не могут сказать и этого.

Видишь ли, как они против своей воли стараются об истине? Сами пришли, сами просили, сами запечатали вместе со стражей, чтобы, таким образом, быть обвинителями и обличителями самих себя. В самом деле, когда ученики могли бы украсть? В субботу? И притом, как? В субботу не позволялось и выходить. Если же преступили и закон, то, как эти столь робкие люди осмелились бы пойти? Как притом могли убедить народ? Что они могли говорить, что делать? Что за ревность побуждала их стоять за мертвеца? Какой ожидали награды? Какой почести? И от живого, когда только Он задержан был, они убежали; а после смерти могли ли бы дерзать за Него, если бы Он не воскрес? Как это сообразить? Что они не хотели и не могли вымыслить небывалого воскресения, видно из следующего. Много раз сказано было Им о воскресении, даже беспрестанно повторял Он, что, как сказали и сами враги, «после трех дней воскресну». Поэтому, если бы Он не воскрес, очевидно, они, как обманутые и преследуемые всем народом, изгоняемые из домов и городов, должны были бы отстать от Него; не захотели бы разносить такую о Нем молву, как обманутые Им и подпавшие за Него крайним бедствиям. А что они не могли вымыслить воскресения, если бы не было его на самом деле, об этом не нужно и говорить. В самом деле, на что они могли при этом надеяться? На силу ли своего слова? Но они были самые неученые люди. На богатство ли? Но они не имели даже ни посоха, ни обуви. На знатность ли рода? Но они были бедны и от бедных рождены. На знатность ли отечества? Но они происходили из весей незнатных. На многочисленность ли свою? Но их было не более одиннадцати, и те рассеяны. На обещания ли Учителя? Но на какие? Если бы Он не восстал, то и остальные обещания Его не были бы для них достоверны. Итак, как могли бы они укротить неистовство народа? Если верховный из них не снес слова жены привратницы, а все прочие, увидев Его связанным, рассеялись, то, как они вздумали бы идти в концы вселенной, и там насаждать вымышленное слово о воскресении? Если один из них не устоял против угроз жены, а другие даже при виде уз, то, как могли они стать против царей, князей и народов, где мечи, сковороды, печи, бесчисленные роды ежедневной смерти, если бы не были укреплены силой и помощью Воскресшего? Совершенно было множество великих чудес, и ни одного из них не устыдились иудеи, но распяли Сотворившего их; а простым словам учеников могли бы поверить о воскресении? Нет, нет! Все это сотворила сила Воскресшего.

2. И посмотри, как смешны их замыслы! «Мы вспомнили», говорят, «что обманщик тот, еще, будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну». Но если Он был обманщик и хвалился попусту, то чего вы боитесь, мечетесь и так суетитесь? Боимся, говорят, как бы ученики не украли и не обманули чернь. Но доказано уже, что этого никак не могло быть. И, однако, злоба упорна и бесстыдна, — покушается и на безумное дело. Велят до трех дней оберегать гроб, как бы стараясь защитить свое учение и желая показать, что Он и прежде был льстец, и даже в гробе можно подозревать Его в злобе. Поэтому-то Он и восстал скоро, чтобы не говорили, что Он оказался лжецом и что тело украдено. Обвинять за то, что Он скоро восстал, было нельзя; замедление было бы подозрительно. Если бы Он не тогда воскрес, когда они сидели и оберегали гроб, но тогда, как спустя три дня они удалились бы, то могли бы еще что-нибудь говорить против, хотя бы и безрассудно. Для того Он предварил воскресением. Надлежало совершиться воскресению именно тогда, когда они сидели там и стерегли; следовательно, надлежало быть ему в пределах трех дней; а если бы оно произошло по истечении их, когда стража удалась бы, дело могло бы быть подозрительным. Поэтому Господь попустил и запечатать гроб по их желанию, допустил быть при нем и воинам. Они не заботились и о том, что трудятся в субботу; но имели ввиду только то одно, как бы им преуспеть в своей злобе. Вот высшая степень безумия и ужаса, потрясавшего их! Те, которые захватили Его в свою власть живого, боятся теперь умершего. Если это был простой человек, то следовало оставаться спокойными. Но дабы они познали, что и будучи живым Он добровольно претерпел все, что только претерпел, — вот и печать, и камень, и стража, — и все это не могло удержать мертвеца! Они успевают в том только, что и погребение становится известным, и воскресение Его получает большую достоверность, потому что и воины неотступно были при гробе, и иудеи надзирали. «По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег» (Матф. 28:1–3). По воскресении приходит ангел. Для чего же приходит он и отваливает камень? Для жен, которые увидели его тогда в гробе. Они видят, что в гробе нет тела, и потому должны были поверить воскресению Его. Вот для чего снят камень; для того было и землетрясение, чтобы они воспрянули и пробудились от сна. Жены приходили для того, чтобы намазать елеем тело, и это было ночью: естественно, что некоторые из них и спали. Но зачем и почему сказал им ангел: «не бойтесь вы»? Прежде всего, он освобождает их от страха, и потом говорит о воскресении. И это слово — "вы", с одной стороны, выражает большую честь, а с другой — указывает на то, что ужасные ожидают бедствия тех, которые дерзнули на это злодеяние, если не покаются. Не вам, говорит, надлежит страшиться, а распявшим Его. Итак, освободив их от страха и словами, и взором, потому что показался в светлом виде, как принесший радостную весть, ангел присоединяет: «ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого» (Матф. 28:5). Не стыдится назвать распятым, потому что это высочайшее наше благо. "Воскрес". Откуда это видно? «Как сказал». Если мне, говорит, не верите, вспомните слова Его; тогда и мне не будете не доверять. Далее и другое доказательство: «подойдите, посмотрите место, где лежал Господь». Для того отвален камень, чтобы и отсюда они получили новое уверение. «Скажите ученикам Его, что предварает вас в Галилее» (Матф. 28:7). Повелевает и другим благовествовать о воскресении, что особенно заставляет их верить. И хорошо сказал: "в Галилее"; избавляет их от забот и опасностей, чтобы страх не колебал веры. «И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великой побежали» (Матф. 28:8). Почему так? Потому, что видели поразительное и странное дело — гроб пустой, в котором прежде при их глазах положено было тело. Для того ангел и привел их к гробу, чтобы они могли быть свидетельницами того и другого — и гроба, и воскресения. Действительно, они могли понять, что никто не мог бы унести Его в присутствии стольких воинов, если бы Он не восстал сам. Потому и радуются, и дивятся, и получают награду за такое постоянство: первые видят и благовествуют, — благовествуют то, о чем не только слышали, но и что видели.

3. Итак, когда они вышли со страхом и радостью, — «Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его» (Матф. 28:9). С великим весельем притекли к Нему, прикосновением твердо уверились в Его воскресении и поклонились Ему. Что же Он? «Не

бойтесь!»! Опять и сам прогоняет страх, уготовляя удобнейший путь вере. «Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Матф. 28:10). Смотри, как и сам Он через жен благовествует ученикам, — и, как часто говорил я, униженному полу возвращает честь и добрые надежды, и врачует немощное. Может быть, кто-нибудь из вас захочет, по примеру достохвальных жен, обнять ноги Иисуса? Можете и ныне, если хотите, не только руки и ноги обнять, но и священную Его голову, если будете приобщаться с чистой совестью страшных тайн. И не только здесь, но и в тот день узрите Его, грядущего в неизреченной славе с сонмом ангелов, если только захотите быть человеколюбивыми; услышите не только эти слова: «радуйтесь»; но и те: «придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Матф. 25:34). Итак, будьте человеколюбивы, дабы вам услышать эти слова. И вы, украшающиеся золотом жены, видевшие течение тех жен, оставьте, по крайней мере, теперь этот недуг златовождения. Если ревнуете блаженным тем женам, перемените украшения ваши, облекитесь милосердием. Что за польза, скажи мне, в этих драгоценных камнях и в златотканых одеждах? Скажешь: в них находит радость и отраду душа. Но я спрашиваю тебя о пользе, а ты говоришь о вреде. Нет ничего хуже, как заниматься такими вещами, радоваться им и прилепляться. Тем плачевнее тяжкое это рабство, что человек и, рабствуя, утешается. К какому духовному делу такой человек приложит надлежащее тщание? Будет ли так же осмеивать, как бы надлежало, житейские занятия, когда считает утешением связывать душу золотом? Кто живет в темнице, и с удовольствием, тот конечно никогда не захочет освободиться из нее. Так и душа златолюбивая: она как бы пленница злой своей страсти, — не захочет выслушать даже одного слова духовного с надлежащей охотой и ревностью; тем менее исполнить дело. Итак, скажи мне, что за выгода в этом украшении, в этой неге? Услаждаюсь, говоришь. Но опять повторяешь о вреде и гибели. Но я пользуюсь, говоришь ты, большим почетом у зрителей. И что ж в этом? Это только повод к гибели другого рода, когда ты надмеваешься, кичишься. Теперь, раз ты не могла показать пользы, выслушай, как я покажу тебе вред. Какой же вред? Тот, что забот гораздо более, нежели удовольствия. Потому-то многие из зрителей, и притом очень необразованные, ощущают более удовольствия, нежели ты, которая так украшена. Ты украшаешься с заботливостью, а они и без заботы услаждают свои взоры. С другой стороны, вред в том состоит, что ты унижаешь свою душу, возбуждаешь везде и повсюду зависть. Соседки твои раздражаются этим, восстают против своих мужей и поднимают против тебя жестокую брань. Сверх того, потратив на это все свое старание и заботу, ты пренебрегаешь духовными упражнениями, исполняешься высокомерием, гордостью и тщеславием, прилепляешься к земле, теряешь крылья духовные и, вместо орла, становишься псом и свиньей. Перестав обращать взор свой и парить к небу, подобно свинье, смотришь только долу, заботишься о металлах и кладовых, и лишаешь душу твою твердости и свободы. Но ты еще выходишь на зрелище, чтобы показать себя? Тем более тебе не должно украшаться золотом, и чтобы не быть предметом общего внимания, и не отверзать уст толпы злословящих. Не думай, чтобы кто-либо из зрителей тебе удивлялся; напротив, они все смеются над тобой, как над щеголихой, как над женщиной гордой и заботящейся только о теле. Если ты приходишь в церковь, то, выходя из нее, ты ничего не понесешь с собой, кроме насмешек, ругательств и поношений, и не только от зрителей, но и от пророка. Велегласный Исаия, увидев тебя, тотчас возопит: так говорит Господь на владетельных дочерей Сиона: «ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавой поступью и гремят цепочками на ногах, — оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка» (Ис. 3:16–17,23). Вот что дадут тебе вместо украшения! Это сказано не о тех только, но и о всякой женщине, которая им подражает. Вместе с ним и Павел обличает, написав к Тимофею, чтоб он запретил женам украшать себя плетениями, золотом, или бисером, или ризами многоценными. Итак, украшаться золотом всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь в церковь, когда проходишь мимо бедных; посмотри тогда на себя: ты увидишь, что одежда твоя не более, как личина жестокости и бесчеловечия.

4. Размысли, сколько в таком одеянии обходишь ты алчущих, сколько нагих в сатанинском украшении твоём! Насколько лучше было бы тебе накормить души алчущих, нежели проколоть уши и привесить к ним для пустой цели то, что могло бы доставить насущную пищу столь многим

беднякам! Неужели быть богатой составляет, по твоему мнению, славу? Неужели украшаться золотом Ты считаешь делом важным? Если бы даже все это снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведение достойно величайшего осуждения. Когда же и приобретено еще неправедным путем, то представь, как безмерно преступление. Но ты любишь похвалу и славу? Сними с себя позорную эту одежду, и тогда все тебе удивятся; тогда будешь наслаждаться и славой, и чистым удовольствием; ныне же ты осыпана ругательствами, и этим сама себе создаешь множество поводов к скорби. Представь, если что-нибудь пропадет. Сколько отсюда бед! Сколько рабынь должны будут терпеть наказание! Сколько мужчин приведено будет в тревогу! Сколько будет посажено, сколько будет жить в темницах! Затем пойдут суды, тяжбы, тысяча ругательств и поношений жене от мужа, мужу — от друзей, и душе — от себя самой. Но положим, что ничего и не пропадет, — хотя трудно без этого обойтись, — положим, что все всегда будет в целости: и в таком случае опять ты подвержена будешь только беспокойству, заботам, скорби, не получая пользы. Какая отсюда прибыль дому? Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а бесчестия много и укоризны отовсюду. И как в таком украшении ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Он отвращается от такого украшения. Потому-то Он благоволил родиться в доме плотника, а лучше сказать, даже и не в самом доме, но в пещере и яслях. Итак, как же ты можешь видеть Его, когда не имеешь красоты для Него возжеленной, когда ты облечена не любезным для Него украшением, а ненавистным? Приходящий к Нему должен быть украшен не такими одеждами, а облечен добродетелью. Рассуди: что такое золото? Земля и прах. Брось в воду, — и будет грязь. Рассуди и устыдись, как ты прах делаешь своим владыкой; как ты, оставив все, сидишь с ним или всюду носишься с ним, даже когда приходишь в церковь, — где особенно надлежало бы удалять его, потому что церковь не для того создана, чтоб ты показывала в ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, как бы на зрелище, приходишь сюда в таком украшении и, подражая играющим на сцене женам, одеваешься с такой величавостью в смешной их сор. Вот почему ты приходишь сюда во вред для многих. По окончании собрания, в домах за трапезой вы услышите многих, беседующих об этом. Не говоря о том, что то и то сказал пророк и апостол, — заводят разговор о великолепии одежд, о драгоценности камней и о прочем безобразии украшающихся таким образом жен. Это-то самое и вас и мужей ваших делает скупыми на милостыню. Подлинно, никто из вас не захочет уделить из этого золота сколько-нибудь, чтобы накормить алчущего. Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то, как можешь уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям, как бы к одушевленным каким существам, и любят их не меньше, чем детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное; докажите делами; теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретаемая довольно числом драгоценных украшений, исхитила от смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем нерадят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общий всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу; а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда ревнование, отсюда блудодейство мужей, — когда вы не к любомудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеем. Украшаться таким образом, и даже лучше, может и блудница; а облекаться добродетелями — нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться, и вы достигнете будущих благ

благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.